

В.Н. Дядичев

«Сергею Есенину»

«Наиболее действенным из последних моих стихов я считаю “Сергею Есенину”. Для него не пришлось искать ни журнала, ни издателя, — его переписывали до печати... чтения его требует сама аудитория...» — писал Маяковский в статье «Как делать стихи?» (май–июнь 1926) после появления стихотворения о Есенине. В статье поэт рассказал об опыте творческой работы над этим стихотворением, раскрыл свою поэтическую «лабораторию», широко развернул и свои взгляды на задачи поэзии.

Само же стихотворение «Сергею Есенину» появилось в печати в апреле 1926. Это — поэтический отклик на трагическую смерть Есенина (28 декабря 1925). Но отклик не сиюминутный, мгновенный. Работа над стихотворением шла, по признанию автора, около трех месяцев. Маяковский в начале 1926 года, после полугодового заграничного — в том числе по Америке — путешествия, предпринял поездку по стране с лекциями и чтением стихов об этом путешествии, о заграничье. И практически на каждом выступлении он получал записки от аудитории с требованием высказаться о Есенине, почитать его стихи. В этом смысле «Сергею Есенину» стало выполнением «социального заказа», сделанного самой жизнью. Но стихотворение о Есенине имеет у Маяковского предпосылки и в подлинном, проявлявшимся еще при жизни, интересе автора к поэзии собрата по цеху и в интересе к его личности. Стихотворение несет в себе и знаки той сложной социальной и психологической обстановки, которая сопутствовала жизни и смерти Есенина, обстановки, в которой создавалось и само стихотворение, посвященное его памяти. О смерти Сергея Есенина Маяковский говорит тоном глубокого сожаления. При этом отнюдь не выставляет себя ни близким другом, ни безоговорочным поклонником погибшего поэта, обращается к нему на «Вы».

Стихотворение начинается целым набором сниженных, гротескно-иронических образов, на первый взгляд, мало подходящих для «поминального» текста («...как говорится, / в мир в иной»; «Пустота... / Летите, / в звезды врезываясь. // Ни тебе аванса, / ни пивной. // Трезвость»; «...врезанной рукой помешкав, // собственных / костей / качаете мешок»), с помощью которых автор развертывает перед читателем-слушателем зримую, почти «живую» картину жизни и смерти человека и великого поэта Есенина. Характерно, что у Маяковского эти образы совсем не воспринимаются как несочетаемые с общим трагическим тоном стихотворения и особенно его зачина. Ибо — «В горле / горе комом — / не смешок». Автор решительно отказывается от всяких объяснений причины есенинской трагедии:

Не откроют
нам
причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.

Он хорошо сознает, что подлинная причина кроется в самой природе поэтического творчества:

Может,
окажись
чернила в «Англетере»,
вены
резать
не было б причины.

Высокую оценку дает Маяковский есенинскому творчеству, таланту ушедшего поэта:

Вы ж
     такое
         загибать умели,
 что другой
         на свете
             не умел

 У народа,
     у языкотворца,
 умер
     звонкий
         забулдыга подмастерье.

Быть подмастерьем у такого гениального мастера, как народ, — высшая похвала в устах Маяковского. Установив этот вершинный уровень таланта, Маяковский с гневом и презрением («Не позволю / мямить стих / и мять!»; «Оглушить бы / их / трехпалым свистом...») говорит о той атмосфере, той окололитературной и критической суете, которая оказалась связанной со смертью поэта: «Вам / и памятник еще не слит... / ...а к решеткам памяти / уже / понанесли // посвящений / и воспоминаний дрянь»; «Ваше имя / в платочки рассоплено, // ваше слово / слюнявит Собинов...» Таким образом — «Дрянь / пока что / мало поредела». И с этим надо, конечно, бороться («Дела много — / только попевать»), в том числе и поэтическим словом: «Слово — / полководец / человеческой силы. // Марш! / Чтоб время / сзади / ядрами рвалось...»

Стихотворение Маяковского было ответом на предсмертные строки Есенина:

В этой жизни умирать не ново,
 Но и жить, конечно, не новей.

С этим, по определению Маяковского, «сильным стихом», который в тех условиях мог подвести «под петлю и револьвер» немало «колеблющихся», можно было «бороться стихом и только стихом» («Как делать стихи?»). И автор есенинским строкам противопоставляет свои строки, заключающие стихотворение «Сергею Есенину»:

Надо
     вырвать
         радость
             у грядущих дней.
 В этой жизни
         помереть
             не трудно.
 Сделать жизнь
         значительно трудней.